

ноябрь, 1967, 25 февр.

ТРАДИЦИИ

Олег ТАБАКОВ, артист театра «Современник»

исследования действительности. Ухватит то, ухватит другое, третье... Не похоже пока, что телеэкран стал исследователем жизни, ясно определившим свою дорогу.

Конечно, газетная и журнальная периодика все чаще обращается к проблемам ТВ, стали, хотя и редко, выходить книги по телевидению. Однако статьи в газетах и журналах большей частью замыкаются в границах конкретной сегодняшней практики, а с книжных страниц веет дух прикладного профессионализма. Природу телевидения стремился осмыслить В. Сапак, его книга великолепна, но сколько же можно на нее ссылаться?

Отсутствие широкого теоретического осмысления ТВ не делает чести людям, посвятившим свою жизнь теории искусств. Нельзя, нельзя быть снобами, нельзя высокомерно игнорировать существование «этого ящика». Значительная часть продукции не выдерживает

общепринятых эстетических критериев? Пусть даже так. Но давайте заглянем в сочинения Виссариона Белинского. Большую ли относительно площадь занимает анализ произведений Пушкина и Гоголя? Великий критик не гнушался разбором и множества весьма посредственных вещей, чтобы яснее увидеть закономерности литературного процесса, повлияв своим пламенным словом на будущие пути русского литературного творчества.

А с телевидением получается какой-то заколдованный круг. Появляются все новые работы, их достоинства и недостатки, лишённые обобщения и осмысления, повисают в воздухе. Присмотреться только — неужели можно было обойти вниманием «Смуглую леди сонетов» с С. Юрским и Э. Поповой, вещь превосходную и спорную, позволяющую говорить и об актере на телевидении, и об историзме Шоу в интерпретации А. Белинского... А вот обошли же!

ЭТО ЗАМЕТКИ телезрителя, актера, но никак не теоретика. Говорю только о своих впечатлениях. Они, наверное, обрывочны, их трудно систематизировать. Но есть вопросы, которые поневоле возникают у человека перед экраном, их задаешь себе все чаще и чаще, стремишься ответить на них...

Всем ли быть Колумбами?

Каждое из ныне здравствующих искусств — театр, живопись, кино и т. п. — знает свою природу, понимает, в чем его слабости, а в чем сила, знает, на какие свои особенности опираться, словом, имеет традиции.

Можно ли сказать то же самое о телевидении?

На мой взгляд, оно еще не осознает себя.

Утверждение это может показаться странным. На телевидении есть немало явлений, выходящих из среднего ряда. Есть глубокие работы И. Беляева, исследующие внутренний мир человека труда. Есть

любопытные изобразительные эксперименты Ю. Белянкина. Интересны режиссерские попытки М. Орлова создать публицистический телетракт. Телеспектакли ленинградского режиссера А. Белинского — это умные, точные произведения искусства. Беру только поиски собственно телевизионщиков и наверняка перечисляю далеко не все... Но я не могу отделаться от впечатления, что это — явления случайные, спорадически возникающие на телеэкране (так выделяются они на общем фоне!), не поддерживаемые, не обобщенные и не изученные. Я не могу отделаться от впечатления, что люди, приходящие на телевидение, не знают, на что опереться в накопленном опыте. Творят на свой страх и риск. Как придется.

Каждому приятно чувствовать себя Колумбом, но целесообразно ли много раз открывать одно и то же? Работать, не опираясь на традиции, не вооружаясь знанием творческих законов, — это поневоле дилетантизм.

Я никоим образом не хочу обидеть и названных мной художников, и многих их товарищей. Я хочу видеть не энтузиазм одиночек, а целеустремленность коллективного поиска. Чтобы складывалось ясное

представление, скажем, о школе репортажа, характерной для Центрального телевидения, о комментаторской школе ленинградцев, о методе теле-кинонаблюдения, применяемом в Киеве не так, как в Минске или в Перми...

Пока все это из области благих пожеланий. Пожалуй, только ленинградский телетракт составляет исключение. Тут уже начинает ощущаться школа, уже очевидны попытки опереться на некие собственные опытом нажитые традиции. (К сожалению, блестящие достижения таллинского репортажного телевидения с трудом преодолевают географический барьер, оставаясь в рамках биографии эстонского ТВ).

По общему признанию, телевидение призвано постоянно исследовать быстротечную, меняющуюся, сложную нашу жизнь. Замечали вы, конечно, что нередко в обиходе этак небрежно противопоставляют жизни кино. «Кино!» — скажут порой с усмешкой. О телевидении такого не услышите. Телевидение — это жизнь, согласились все. Я думаю, это аванс, который великодушно выдают ТВ зрители.

Увы, ТВ робко вторгается в область пристального, вдумчивого

НА ОЩУПЬ

Дело о драматургии

Опирается на самое сильное в себе — это и есть традиция в искусстве.

Что действует сильнее всего, когда смотришь передачу?

Мне довелось дважды увидеть по телевидению передачи из зала суда. У меня было ощущение сопричастности ко всему происходившему (разумеется, не в юридическом смысле слова — эмоциональной сопричастности). Увлекла меня острота обстоятельств, неинсценированность происходящего. И подкупимый, и судья были максимально приближены ко мне. Я наблюдал постепенное, порой психологически неожиданное выявление личностей. (Меня как актера прежде всего интересует характер человека, раскрывающийся в конфликтном действии).

Так вот, доведись мне работать на телевидении, я попытался бы строить передачи так, чтобы зритель мог наблюдать напряженное,

динамичное, психологически мотивированное раскрытие событий и человека. Должен быть не рассказ о чем-то, а именно события, действия, поступки — без поступков нет и характера.

Если говорить о художественном телевидении, я искал бы пружинистую, острую, конфликтную драматургию. Наверное, не случайно многие успехи связаны с острым сюжетом, заставляющим зрителя не отрываться от экрана. Напомню последнюю режиссерскую работу Г. Товстоногова на телевидении «Дело по обвинению». Вспомним «Двенадцать разгневанных мужчин» и «Мари-Октябрь» — телефильмы, построенные по принципу судебного разбирательства. Подчеркиваю: по принципу, ибо криминальная сторона здесь далеко не главная.

Я убежден: в традициях художественного ТВ должен прочно укорениться жизненный материал с глубокими нравственными, социальными, психологическими конфликтами, вспыхивающими у глаз, позволяющими раскрыться неожиданно и широко. У крупнее человеческого характера, личности — не это ли из сильных качеств таланта?

Гвоздь в стенку

Очень часто на теле один человек. Он лишен возможности выразить себя в действии, контакте с другими людьми. Остается слово. Драматург, выразивший через слово мысль, Позвольте отвлечься, при эпизод, как принято говорить «жизни».

Актерам немало приходится заниматься, так сказать, мимикой упражнениями. Попросту говоря — гримасничать, кривляться. Мне — тоже. Однажды я трижды продлевал это при сыграв, ну он смотрел с интересом, посуровел и в полном равновесии отошел. Неинтересно. Долго приходил. Вновь обрел интерес мне только тогда, когда я ставил гвоздь в стенку. Такое простое, нужное, жизненное действие.

Наверное, ребенок — потенциально наилучший, самый благодарный, самый понимающий телезритель. Он не уходит, когда что-то осмысленное, предлагаемое на глазах: отец — новорожденный — вколачивает в стенку гвоздь — тапнул бы по пальцу... А к гримасничанью, словно маску, в этом нет осмысленности.

ДИДИИ

ртист театра «Современник»

ности. общепринятых эстетических критериев? Пусть даже так. Но давайте заглянем в сочинения Виссариона Белинского. Большую ли роль играет в его творчестве анализ произведений Пушкина и Гоголя? Великий критик не гнушался разбором и множества весьма посредственных вещей, чтобы яснее увидеть закономерности литературного процесса, повлиять своим пламенным словом на будущие пути русского литературного творчества.

А с телевидением получается как-то заколдованный круг. Появляются все новые работы, их достоинства и недостатки, лишённые обобщения и осмысления, повисают в воздухе. Присмотреться только — неужели можно было обойти вниманием «Смуглую леди сонетов» с С. Юрским и Э. Поповой, вещь превосходную и спорную, позволяющую говорить и об актёре на телевидении, и об историзме Шоу в интерпретации А. Белинского... А вот обошли же!

НА ОЩУПЬ

Дело о драматургии

Опираясь на самое сильное в себе — это и есть традиция в искусстве.

Что действует сильнее всего, когда смотришь передачу?

Мне довелось дважды увидеть по телевидению передачи из зала суда. У меня было ощущение сопричастности ко всему происходившему (разумеется, не в юридическом смысле слова — эмоциональной сопричастности). Увлекла меня острота обстоятельств, неинсценированность происходящего. И подкупил, и судья были максимально приближены ко мне. Я наблюдал постепенное, порой психологически неожиданное выявление личностей. (Меня как актёра прежде всего интересует характер человека, раскрывающийся в конфликтном действии).

Так вот, доведись мне работать на телевидении, я попытался бы строить передачи так, чтобы зритель мог наблюдать напряжённое,

динамичное, психологически мотивированное раскрытие событий и человека. Должен быть не рассказ о чём-то, а именно события, действия, поступки — без поступков нет и характера.

Если говорить о художественном телевидении, я искал бы психическую, острую, конфликтную драматургию. Наверное, не случайно многие успехи связаны с острым сюжетом, заставляющим зрителя не отрываться от экрана. Напомню последнюю режиссёрскую работу Г. Товстоногова на телевидении «Дело по обвинению». Вспомним «Двенадцать разгневанных мужчин» и «Мари-Октябрь» — телефильмы, построенные по принципу судебного разбирательства. Подчеркиваю: по принципу, ибо криминальная сторона здесь далеко не главная.

Я убежден: в традициях художественного ТВ должен прочно укорениться жизненный материал с глубокими нравственными, социальными, психологическими конфликтами, вспыхивающими у нас на глазах, позволяющими человеку раскрыться неожиданно и интересно. Укрупнение человеческого характера, личности — не это ли одно из сильных качеств телевидения?

Гвоздь в стенку

Очень часто на телеэкране один человек. Он лишен возможности выразить себя в действии, в контакте с другими людьми. Остается слово. Драматургия выраженной через слово мысли.

Позвольте отвлечься, привести эпизод, как принято говорить, «из жизни».

Актёрам немало приходится заниматься, так сказать, мимическими упражнениями. Простое слово — гримасничать, кривляться. Мне — тоже. Однажды минуты три проделывал это при сыне. Минуту он смотрел с интересом, потом посуровел и в полном равнодушии отошел. Неинтересно. Долго не подходил. Вновь обрел интерес ко мне только тогда, когда я стал вбивать гвоздь в стенку. Такое простое, нужное, жизненное дело.

Наверное, ребенок — потенциально наилучший, самый благодарный, точно понимающий телевидение зритель. Он не уходит, когда видит что-то осмысленное, происходящее на глазах: отец — новое дело — вколачивает в стенку гвоздь; не тянул бы по пальцу... А когда я гримасничаю, словно маску надеваю, в этом нет осмысленного

жизненного действия, нет гвоздя в стенку...

Человек, который выступает перед телекамерой, должен уметь «вколачивать гвозди». Иными словами, нужна для него драматургия собственной мысли, рождающейся при нас, в чём-то шероховатой и не до конца оформленной, как все живое. Все знают: мысль, выраженная в такой форме, способна максимально подчинить себе зрителя.

Артур Миллер заметил где-то, что телевидение превращает в актёров всех — от главы правительства до последнего поэта. Вряд ли следует понимать это высказывание слишком абсолютно и буквально. А так и кажется, что многие выступающие по телевидению взяли за правило миллеровские слова...

Читаю в газете международный комментарий. Чертовски умно и интересно. Ага, вечером предстоит встреча с автором статьи на экране. Жду. Верю: познакомлюсь с интересным, остро мыслящим человеком. И ошибся. Скучно, отретированно прочитал он свой текст наизусть. Мысль, отлитая в гладкие, безэмоциональные формы, оставила меня равнодушным. Индивидуальность автора осталась нераскрытой. Не верилось, что это тот самый человек, статью которого я прочитал в газете.

Создалось впечатление, что взял он гвоздь, уже забитый в стенку, и пытается при мне его опять туда вставить, делая при этом вид, что вколачивает его впервые!

Клетка и организм

Это ведь всегда так — плохие привычки складываются быстро, сами собой, под влиянием «текучки»... Может, не стоит превращать их в традиции?

Актёры театра приходят на телевидение. Не буду говорить о том, нужны ли ТВ свои актёрские силы. Это особая тема. Возьмем факт, как он есть.

Многие ли из моих коллег говорят о сыгранных на телевидении ролях с таким же пылом и страстью, как о своих ролях театральных?

Тут не лишне признать, что девять лет назад, не будучи еще человеком вполне сложившимся и зрелым, я сыграл на телевидении две-три роли. Была радость оттого, что инсценировка «Продолжение легенды» представляла собой хороший драматургический материал. Это был рассказ о времени, проблемный, гражданственный, хотя и со значительными художественными издержками. Участвуя в телепостановке «Рисунок карандашом», я встретился с людьми ищущими, пытливыми. И все же, как я скоро осознал, мое «везенье» было призрачным.

В телевидении, как и во всяком творческом деле, необходимо, чтобы первая встреча для молодого человека окончилась победой. Об этом надо заботиться, это надо готовить. Считать победой мои первые пробы на ТВ я не мог. Ко мне предъявлялись требования мини-

мальные, мизерные, критерии оценок были явно заниженными. То, что мне предлагалось, не ставило передо мной значительных творческих задач, только профессиональные — выучить текст роли. Удовлетворения, которое дает театр, даже когда бьешься над ролью и она упорствует, не дается, здесь не было. Поэтому я и расстался с ТВ до лучших времен.

Но пусть случившееся со мной — частность, исключение.

Актёры театра все-таки приходят на телевидение. Одни приносят традиции своего коллектива и, опираясь на них, добиваются честного профессионального успеха. Так делают питомцы Г. Товстоногова, которые, как правило, приходят на ТВ «кучно», слаженным ансамблем и в любой телевизионной работе сохраняют свою индивидуальность, завидную непохожесть на кого-либо.

Другие просто отдают уже наработанное. Мне кажется, что ватанговцы, крепкий, профессиональный коллектив со своим лицом, своими традициями, нещадно, потребительно эксплуатируются на ТВ, как порой эксплуатируются недра, леса.

Актёр обычно силен тем, что он составляет ячейку сильного творческого организма. Редким исключением оказываются актёры, умеющие сохранить индивидуальность даже в обезличенной среде. Один из таких актёров, на мой взгляд, Юрий Эрнестович Кольцов. В са-

мом себе носит он и режиссёра, и драматурга, ему есть что сказать, потому что так очевидно крупности сделанных им на телевидении работ — в телепостановках «Сельский спутник» и «Теперь пусть ухнет».

Понимая эту истину: актёр — клетка творческого организма, ТВ старается приглашать для постановок сразу ансамбль сработавшихся в одном театре актёров. Коллектив людей, друг друга знающих, умеющих друг друга поддержать. И это очень верно. Но при этом ТВ должно четко видеть лицо, направление, стержень, традиции каждого коллектива и разумно, расчетливо использовать добытое театром. Развивать с театром уже найденное им. Давать для решения задачи, в чем-то сходные с теми, которые решались, решаются в этом коллективе сегодня.

Я думаю, что бережный творческий подход к сложившемуся актёрскому ансамблю, учет его возможностей и интересов, а не просто потребительское использование уже наработанного должны стать одной из лучших традиций телевидения.

СКОРО, очень скоро откроется останкинский телецентр. Начнется Большое телевидение. Поэтому проблема творческих традиций ТВ приобретает особое значение. Всем нам хочется, чтобы 535 метрам высоты уникальной башни соответствовали подлинные творческие высоты.